

П Р О З А.

ОТЕЧЕСКОЕ НАКАЗАНИЕ.

(истинное происшествіе.)

Донъ Кишошъ Ламанхскій былъ не послѣднимъ искашелемъ приключеній: шакихъ людей довольно и нынѣ; разница, зависящая отъ духа времени, въ одной цѣли, побужденіе все поже. Какъ опказашъ себѣ въ удовольствіи бышъ, если не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, то по крайней мѣрѣ учасшникомъ какого нибудь необыкновеннаго происшесшвія, напримѣръ: поединка, похищенія дѣвицы, и ш. п. Сколько матеріи для разсказовъ, сколько пищи для воспоминанія! Такъ шочно; и если бы не страхъ наказанія, то господа храбрые защитники своей оскорбленной чести не имѣли бы нисколько шруда хлопоташъ о секунданшахъ—сіи послѣдніе на первой голось бѣжали бы къ нимъ шолною.

Живосшь характера, раннее оплученіе отъ дома, военная жизнь и чте-

ніе романовъ дѣлали молодаго Калиста человекомъ почти такихъ свойствъ. Ни одна изъ проказъ его товарищей не проходила безъ того, что бы онъ не игралъ въ ней по крайней мѣрѣ вшорой роли. Его за то любили и хвалили, а онъ съ своей стороны *радъ былъ стараться*. Я хотѣлъ было мимоходомъ посовѣтовать при семъ случаѣ родителемъ, которые съ такимъ иногда неперпнїемъ желаютъ увидѣть дѣшей своихъ поскорѣе въ креслахъ и большихъ эпелепахъ, что бы они не слишкомъ поропились записывать ихъ въ службу, а подолѣе бы выдерживали у себя на глазахъ; но боюсь поперять напрасно слова! кому прїясны совѣты? Они и ошъ дружбы рѣдко принимающся съ удовольспвіемъ.

Опець Калиста, пользуясь однажды оппускомъ сына, послалъ его по нѣкоторымъ хозяйспвеннымъ дѣламъ въ дальнюю свою деревню. Скучно было вѣпреннику мечшашелю провесши нѣсколько недѣль въ глуши деревенской. По близосши не случилось ни городка, ни даже порядочнаго сосѣдства. Чѣмъ и

какъ удовлетворишь любимой склонности своей къ приключеніямъ?

Одинъ разъ стоялъ онъ съ трубною въ зубахъ у окошка. Предъ глазами его, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ господскаго дома, лежала зеленая площадка съ вѣскою по срединѣ церковью. Вдругъ подъѣзжаетъ къ паперти шумная свита крестьянской свадьбы. „Кто женился?“ спросилъ онъ въ разсѣяніи человѣка. — Иванъ, сынъ нашего спароспы, на Лизаветѣ, дочери кузнеца. — „Какова невѣста?“ — О, сударь! да такой красавицы нѣтъ въ цѣломъ околѣ. — „Красавица? Я хочу ее видѣть.“ — Калиспъ оставилъ трубку и пошелъ въ церковь.

Изумленіе его при взглядѣ на молодую плачущую крестьянку превзошло всякое ожиданіе. Она была красоты не описанной и при томъ едва пятадцати лѣтъ; безобразной женихъ казался еще ее моложе: такъ обыкновенно вѣчаютъ въ деревняхъ. Калиспъ много видалъ прекрасныхъ женщинъ, но ни одной подобной Лизѣ; она превышала самой идеаль красоты, который иногда рисовало ему его воображеніе. — „Боже мой!“

думаль онъ — „какъ жаль, что ее выда-
 „дають за такого урода, и конечно по-
 „неволь. . . Еслибъ ее образовать, хоро-
 „шенько одѣшь—она была бы вдвое пре-
 „краснѣ. . . Почемужь и не такъ? Она
 „молода, въ большихъ черныхъ глазахъ
 „ея видѣнь, кажется, умъ: эшо сдѣлашь
 „не трудно.“ Чипатели! вы уже знако-
 мы нѣсколько съ характеромъ Калисша:
 будете ли много удивляшься, когда ска-
 жу вамъ, что въ слѣдъ за сими разсуж-
 деніями рѣшишельная мысль: *женюсь на*
ней! блеснула, какъ молнія, въ мечша-
 шельной головѣ его.

Обрядъ еще не начинался.—„Послу-
 шай Иванъ“ — сказала онъ, лаская жени-
 ха — „уступи мнѣ свою невѣсту: ты
 найдешь себѣ другую; я дамъ тебѣ на
 свадьбу.“—Попъ, свахи, дружки и поѣз-
 жаные думали, что баринъ шушитъ; но
 они разувѣрились въ шомъ, когда Ка-
 лисшъ спалъ подлѣ Лизы и приказаль
 вѣнчашъ себя. Священникъ хотѣлъ было
 сначала прошивишься, удержашъ моло-
 даго господина опъ такого безразсуд-
 ства; но строгое приказаніе повшорено,
 и шарикъ принужденъ былъ начашъ

свое дѣло. Чшожь Лиза? Она обомлѣвши опъ страха, удивленія, а можешъ бышь, избышка тайной радости, прошептала въ свое время: да; Калиспъ громко произнесъ шже: они были обвѣнчаны.

На другое утро параксизмъ Калисповой горячки миновался. Случившееся казалось ему сномъ, конечно пріятнымъ, однако же такимъ, котораго продолженія на яву не желалъ бы онъ видѣшь. Безразсудность поступка предсавилась ему въ полной мѣрѣ, когда брадашый кузнецъ, съ молошкомъ и клещами за поясомъ, явился къ нему въ качесшвѣ шестя.—„Ахъ! чшо я сдѣлалъ? что я сдѣлалъ? говорилъ онъ вздыхая. Конечно, Лиза прелестна и зашмила бы своею красошою городскихъ модницъ; но она безъ всякаго образованія, она креспьянка! Когда и какъ, не покидая счасливо начашой службы, могу заняшься ея воспитаніемъ? Чшо скажущъ бапюшка, свѣшь, мои шоварищи? Товарищи?...Нѣшь, они мнѣ не страшны: я еще повеселю ихъ моимъ приключеніемъ. Но бапюшка, но свѣшь!...опъ нихъ должно непременно скрышь мое дура-

чештво, и поскорѣе, не оглядываясь, опсуда уѣхашь.“

Калисть въ почности исполниль свое намѣреніе. Онъ описалъ къ опцу, что получилъ повелѣніе немедленно явишься въ цолкъ, и что поспѣшая оное исполнишь, не можешъ заѣхашь къ нему просишься; попомъ щедро одарилъ Лизу, кузнеца, спаросну; сказалъ, что не замедлишь возвратишься, строго запрешилъ всѣмъ разглашашь до того времени о своей женишьбѣ, и—уѣхалъ. Лиза плакала, расставаясь съ Калиспомъ. Хотя она еще и не смѣла называшься женою барина, боялась даже прямо смопрѣшь на него; однакожь онъ казался ей пригожье, милѣе всѣхъ деревенскихъ парней.

Могло ли ушайтись подобное приключеніе? Опецъ Калиста скоро узналъ обо всемъ. Посупокъ сына чувспвишельно огорчилъ его; но сдѣланнаго перемѣнитъ было нельзя; Лиза имѣла законное право на имя его невѣспки. Пособишь горю оставалось одно средство—попышашься образовашь Лизу. Старикъ поспѣшилъ взять ее къ себѣ, нанялъ разныхъ учиселей, прилагалъ о

ней неусыпныя попеченія, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, при помощи дочерей своихъ и счастливыхъ природныхъ дарованіяхъ-ученицы, увидѣлъ труды свои увѣнчанными совершеннымъ успѣхомъ. Лиза какъ будто переродилась. Исключая нѣкоторыя необходимыя свѣденія, она соединяла въ себѣ самую ловкость обращенія, кошорая чувствительнымъ образомъ умножала ея пріятности. Словомъ: кто видѣлъ Лизу крестьянку, тошъ никакъ не узналъ бы ее въ Лизѣ—невѣсшкѣ богатаго Рускаго дворянина.

Но мы, ушѣшаясь новыми совершенствами Лизы, совсемъ забыли о Калишѣ. Онъ пріѣхалъ въ полкъ, разсказалъ вѣпреннымъ друзьямъ свое приключеніе, и—старался забыть о немъ; однакожь не совсемъ удачно: совѣспъ иногда надоминала ему прошедшее, и безпокойный шенюшъ ея успѣлъ даже произвести нѣкоторую, выгодную перемѣну въ его характерѣ. На напоминанія сіи конечно были бы чаще, а перемѣна въ характерѣ значительнѣе; еслибъ не новыя встрѣчи, не веселая военная жизнь, не война, кошорая сряду нѣсколько

лѣшь водила его изъ спраны въ спрану, изъ климаша въ климашь. Самое время спѣшило къ нему на помощь: онъ мало помалу привыкъ не уважать своимъ поступкомъ и казалось дѣйствительно забылъ о немъ. Благоразумный отецъ, ожидая раскаянiя сына, съ умысломъ ничего не писалъ къ нему о Лизѣ.

Лѣшь черезъ пянь Калиснь увѣдомиль отца о намѣренiи своемъ побывашь на родинѣ. „Добро пожаловашь, молодчикъ, говорилъ спарикъ съ веселою улыбкою, я давно жду тебя и надѣюсь проучишь порядкомъ. Лиза, продолжалъ онъ, мужъ швой скоро къ намъ будешь; но если ты хочешь вполнѣ насладиться радостiю приобрѣсти его снова, то должна исполнишь мою волю, т. е. перемѣнишь на время свое имя, переѣхашь къ прiятельницѣ нашей Таниной и назвашься ея племянницею, выпущенною недавно изъ Смольнаго Монашья. Я знаю моего сына: красота швая плѣнитъ его при первой встрѣчѣ; но прежде, нежели ты окажешь ему знаки взаимной склонности въ которой вѣрно не будешь у тебя

недоспашка, должна хорошенько помучить его суровостію. Роль твоя будетъ поддержана общимъ заговоромъ нашихъ знакомыхъ; людямъ, на всякой случай, также будетъ данъ нужный приказъ; осальное беру я на себя.“

Условіе заключено и немедленно исполнено. Лиза, подъ именемъ Эйлаліи, переѣхала въ домъ мнимой своей шешки. Знакомые, которыхъ романическая женитьба Калиста много занимала, а достоинства Лизы заставляли любить ее, охотно приняли участіе въ заговоръ. Всѣ съ непрерывнымъ ожидали развязки.

Наконецъ Калистъ пріѣхалъ, и дни черезъ два, слѣдуя обыкновенію, облетѣлъ съ визитами городъ. Возвратившись домой, онъ ни о чемъ столько не говорилъ, какъ о прекрасной Эйлаліи, племянницѣ Таниной. Удивительное сходство ея съ Лизою напомнило ему о прошедшемъ, но узнавъ отъ людей (которые были научены какъ опвѣчать ему), что о дочери деревенскаго кузнеца ничего не слышно, заключилъ, что она умерла и снова успокоился; а ласко-

вое обращеніе отца совершенно утвердило его въ мысли, что дурачество его осталось навсегда во мракѣ неизвѣстности. Онъ началъ чаще ѣздить къ Таниной; съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе плѣнялся Эйлалією; наконецъ спрасно въ нее влюбился.

Отецъ торжествовалъ; Лиза хорошо выдерживала роль свою. Правда не легко было для нея казаться суровою къ мужу, котораго любила въ разлукѣ, котораго обожала съ первой минуты свиданія, однакожь она умѣла превозмогать себя. Всякой конечно догадаешься, что вторая половина роли была разыграна ею гораздо лучше: тогда она не имѣла нужды въ припворствѣ.

„Бабушка, сказалъ однажды влюбленный Калиспъ отцу своему, я намѣренъ поговорить съ вами о важномъ для меня дѣлѣ.“ — О важномъ дѣлѣ?... Мнѣ теперь нѣкогда; но я охотно выслушаю тебя завтра поутру въ моемъ кабинетѣ. Спарикку нужно было время, что бы приготовить послѣднее дѣйствіе зашѣянной драммы.

„О чемъ же ты хотѣлъ говорить со мною?“ спросилъ онъ, когда Калиспъ на другое утро явился у него въ кабинетѣ. — Башюшка! я люблю Эйлалію, племянницу Таниной, и намѣренъ на ней жениться. Миѣ нуженъ вашъ совѣтъ, ваше благословеніе — „Женишься? Дѣло доброе! Ты уже въ такихъ лѣтахъ; а Эйлалія дѣвица доспойная, дѣвица какихъ мало. Я нисколько бы не замедлилъ моимъ согласіемъ, еслибъ — прости меня — зная вѣтренность своего характера и довольно наслышавшись о проказахъ своихъ въ полку, какъ отецъ, не почишалъ себя въ правѣ напередъ спросить себя: хорошо ли ты обдумалъ свое намѣреніе? Совершенно ли свободно свое сердце? Можешь быть, ты уже общалъ его другой и обворожительная красота Эйлаліи заславляетъ тебя забыть данное слово, которое честной человѣкъ долженъ хранить свято; шѣмъ болѣе, что вѣроломство часто влечетъ за собою самыя дурныя послѣдствія. Мы еще недавно были здѣсь свидѣтелями весьма печальныхъ происшествій оныхъ

подобнаго непоспоянства одного молодого человека. Онъ женился, будучи уже обрученъ съ другою. Обманутая прѣхала за нимъ по слѣдамъ, и съ опчаянія лишилась разсудка. И такъ, любезной сынъ, скажи мнѣ откровенно: можешь ли ты безъ внутренней укоризны самому себѣ располагать своею рукою?... Но ты блѣднѣешь, опускаешь въ землю глаза, не смѣешь взглянуть на меня? Что значить твое смущеніе?“ — Башюшка!... любезный башюшка!... — „Какъ не уже ли подозрѣнія мои справедливы? Не уже ли я умѣлъ прочесть въ душѣ твоей какую нибудь поспыдную для тебя тайну? Договаривай, не покинь меня!“ — Калиспъ запрепещалъ, какъ пресупникъ въ часъ смерти, бросился къ ногамъ отца и разсказалъ ему о странной своей женишьбѣ.

„Недоспойный! и ты, и ты, оскорбивши такимъ союзомъ честь нашей фамиліи, не устранился еще посягнуть на оскорбленіе самой вѣры?...“ — Ахъ! пощадите, пощадите меня. Я не въ силахъ переносить жестокихъ вашихъ упрековъ и еще жесточайшихъ — упрековъ моей сѣ-

вѣспи. Они справедливы: все обвиняешь меня въ безразсудности перваго моего пошупка; но, можешь быть, само Провидѣніе оправдываетъ насъ происходящее мое намѣреніе, можешь быть. . . . Лиза умерла. . . . Объ ней ничего не слышно. — „Умерла? Это тебя ушѣшаетъ? Нѣтъ, жестокой! она жива, что бы всюду преслѣдовать тебя съ неопшѣемлемымъ правомъ на швою свободу!“ — Калисшъ въ безпамятствѣ упалъ въ кресла: послѣднія слова отца были для него убійственнѣмъ приговоромъ. — „Довольно! вскричалъ старикъ, пронувшій положеніемъ сына, довольно: мѣра наказанія исполнена! Лиза! увѣрь своего мужа, что ты еще жива — для его благополучія.“ — Боковая дверь отворилась, и Лиза, въ образѣ Эйлаліи, бросилась на грудь Калисша. — Я не въ силахъ изобразить окончанія сей сцены; пустьъ дорисуешь ее воображеніе чашапшелей. —

Калисшу объяснили чудесное превращеніе Лизы. — Башюшка! говорилъ онъ, обнимающая отца своего; вы оказали мнѣ истинное благодѣяніе: вы примирили меня съ собою, дали мнѣ прекра-

сной урокъ, и въ то же время наградили милою, рѣдкою женою! Чѣмъ буду въ силахъ заплашить вамъ? — „Ничѣмъ, опвѣчалъ отецъ, улыбаясь сквозь слезы, ничѣмъ, кромѣ совершеннаго своего исправленія!“

Калиспъ безъ труда исполнилъ желаніе отца: исправленіе его было почти кончено въ минушу вторичнаго соединенія его съ Лизою. Говорятъ, что онъ въ полной мѣрѣ насладился счастьемъ супружества, и часно, въ насшавленіе дѣшямъ, рассказывалъ исторію своей женишьбы.

В. Панаевъ.

